УДК 141.3
DOI: 10.17223/1998863X/58/7

А.П. Семенюк, К.А. Семенюк, А.Д. Долбня

ПРИНЦИП ЦЕЛОСТНОСТИ КАК ОСНОВА КУЛЬТУРНОЙ И ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (БИОЭТИЧЕСКАЯ ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Рассматривается концепт «целостность» как биоэтическое и в то же время культурологическое понятие. Показано, что общество, в котором удовлетворены базовые потребности, порождает новые биоэтические проблемы, а также что психофизиологическое здоровье человека может быть обусловлено факторами ноогенного происхождения. Делается вывод, что сегодня необходимы междисциплинарные исследования, проблематизирующие такие понятия, как целостность и самоидентичность на основе синтеза культурологии, биоэтики, философии, с одной стороны, медицины и естествознания – с другой.

Ключевые слова: *целостность, культурная идентичность, личностная идентичность, экзистенциальная тревога.*

Идея целостности известна в европейской культуре еще с Платона. И сегодня понятие «целостность» занимает важное место и в биофилософии, и в социальной философии, например, в анализе интеллектуальной и духовной жизни западноевропейских обществ[1]. О значимости этого концепта для европейцев свидетельствует и то, что целостность вошла в набор краеугольных принципов так называемой европейской биоэтики, в отличие от ее американского прообраза. Авторы исследовательского проекта BIO-MED II, финансировавшегося Европейской комиссией и Исследовательским советом Дании, заявляют о необходимости защищать как психическую, так и телесную целостность человека от разрушений в результате медицинского вмешательства. Под психофизической целостностью здесь понимается тождественность личности, в основе которой заключена нарративная когерентность индивидуальной памяти [2. P. 38]. Осмысление идеи целостности требует анализа материалов разных наук, однако нас будет интересовать целостность как культурная ценность, как априорная убежденность человека в том, что он целостен[2].

[1] Следует отметить, что идея целостности рассматривается как характерный признак русской философской мысли, в том числе и антропологических учений, созданных в ее рамках. Хотя и очевидно, что русская мысль в этом отношении близка западной традиции, имея с ней одни источники (платонизм и христианская этика), такое направление как славянофильство, например, рассматривало целостность как черту сущностно отличающую русскую культуру от западной. Как отмечает Н.О. Лосский, по убеждению И.В. Киреевского, принципом, «в котором состоит главное достоинство русского ума и характера», является цельность [1. С. 32].

[2] Мы можем говорить о том, что человек – комплексное, сложно устроенное существо, раздираемое конфликтами. Разные его добродетели могут вступать в противоречие друг с другом. Человек может быть целостен в художественном или интеллектуальном отношении, но ущербен в моральном, несовершенен в профессиональном, но обладать нравственной чистотой и т.д. Когда мы пытаемся точно определить целостность, возникают трудности. Целостность распадается на уровни, типы, которые довольно сложно привести в некое связное единство. Однако существует интуитивное понимание целостности, которое глубоко на уровне архетипов укоренено в культуре. Всегда есть некий проект целостности, который мы пробрасываем в будущее и с которым себя соотносим.

Представление о целостности в европейской культуре следует понимать и в более широком контексте. В феноменологическом и, более того, в духовном смысле целостностью обладает субъект, который является пространством телесно воплощенной личности. Этот топос личностного присутствия может быть выражен понятием «зона неприкасаемости», разработанным датским философом Кнудом Лёгструпом. Вторжение в эту зону он называет игнорированием целостности человека [3. P. 5]. В этом определении просматривается отсыл уже к правовому аспекту проблемы целостности. Ссылка на защиту телесно-психической целостности человеческой личности становится непременным пунктом в формулировании правовых норм. Вторжение в частную сферу человеческой личности рассматривается как нарушение целостности индивидуальной автономии. Таким образом, понятие целостности используется для защиты личностной идентичности человека, и не только отдельных людей, но и в отношении человечества как вида. П.Д. Тищенко указывает: «В имени „человек“ уже наброшена некоторая существенная тождественность (идентичность) существа, о котором идет речь, самому себе. Это набрасывание идентичности одновременно оказывается „заключением в скобки“ всего отклоняющегося, нетождественного» [4. С. 9].

Вместе с тем надо отметить, что для современной культуры помимо тенденции гуманизации характерен и антропологический кризис. Реальность существенно расходится с пафосом официально декларируемой обществом системы принципов и идеалов. Многие философы заявляют об утрате самотождественности человека и даже о том, что он не существует как целое, – все неклассические теории сознания тому подтверждение. Еще К. Маркс говорил об отчужденной родовой сущности. Ницше и Фрейд описывали человека как разорванную сущность. По Ж.-П. Сартру, существование человека предшествует его сущности. Ю. Хабермас фиксирует инструментализацию человеческих отношений. Хорошо известно высказывание М. Фуко, который называет человека недавним изобретением и предрекает ему недалекий конец: «…человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» [5. С. 403]. Близким по смыслу является и принцип детерриторизации субъекта Ж. Делеза и Ф. Гваттари.

В трудах упомянутых авторов высказана *экзистенциальная тревога по поводу утраты целостности человеком.* Действительно, человек современной западноевропейской культуры удовлетворяет базовые потребности, при этом уровень экзистенциальной тревоги (концепт, выдвинутый немецким философом и богословом П. Тиллихом в его классической работе «Мужество быть» [13]), как ни странно, оказывается очень высоким. Еще Виктор Франкл во второй половине XX в. зафиксировал рост ноогенных неврозов[1] и случаев «бесконечного психоанализа» в европейских странах, объясняя это тем, что человек в современном мире все больше вступает в пространство свободы, когда ни инстинкты, ни традиция уже не детерминируют его бытие. «Люди, лишенные напряжения, склонны к тому, чтобы создавать его, и это может принимать либо здоровые, либо нездоровые формы» [7. С. 65]. Однако в XXI в. эта тенденция лишь усугубилась, что актуализирует проведение не только философских, но и эмпирических исследований в данной области [12, 14].

[1] Ноогенный невроз (термин логотерапии В. Франкла) – невроз утраты смысла существования.

Экзистенциальная тревога напрямую связана с осознанием конечности бытия и переживается как распад и утрата целостности. В этом отношении становится понятен интерес философии XX в. к психиатрии, а психиатрии – к философии, так как больное сознание представляет собой экзистенциальный распад, «онтологическую незащищенность»[1] сознания как такового. Соответственно, психическое заболевание, психическое отклонение – это тот регистр, в котором в кристаллизованном виде можно разглядеть многие процессы, происходящие с человеком вообще.

Именно за счет философской прививки происходит гуманизация психиатрии. Интерес психиатрии к экзистенциальному измерению человека начался с «малой» психиатрии (психиатрии неврозов) в психоанализе. Затем он был продолжен в «большой» психиатрии мощным течением, определившим на долгие годы развитие психиатрии как науки, экзистенциально-феноменологической психиатрией в трудах таких авторов, как К. Ясперс, Л. Бинсвангер, М. Босс, Э. Минковски, В.Э. фон Гебзаттель и др. Развивая идеи экзистенциальной философии и феноменологии в пространстве медицинской дисциплины о душевных патологиях, экзистенциально-феноменологическая психиатрия в качестве критерия болезни вводит «экзистенциальную чуждость» [9. С. 24]. Этот критерий предполагал методологию познания, принципиально отличную от методов естественных наук, о чем однозначно писал Ясперс: «Когда объектом исследования становится человек во всей полноте „человеческого“, а не просто человек как биологический вид, психопатология обнаруживает свойство гуманитарной науки» [10. С. 64].

Воспользуемся описанием экзистенциальной тревоги, которое дает американский психиатр и психотерапевт Ирвин Ялом. В своей клинической работе и теоретических умозаключениях Ялом отталкивается от идей С. Кьеркегора, П. Тиллиха и М. Хайдеггера, сетуя на то, что многие проблемы пациентов не решаются, ввиду того что терапевт просто не опускается до глубинного уровня, «сканируя» лишь поверхность. Если страх – это всегда страх чего-либо (например, страх быть не понятым, не услышанным, не любимым), то тревога – это страх ничто, аннигиляции, распада, утраты целостности: «Страху, который нельзя ни понять, ни локализовать, противостоять невозможно, и от этого он становится еще страшнее: он порождает чувство беспомощности, неизменно вызывающее дальнейшую тревогу» [6. С. 41]. Так как экзистенциальная тревога порождается столкновением индивидуума с конечными данностями существования, то в этом виде она непереносима для человека. Именно поэтому она имеет тенденцию к трансформации во всевозможные страхи и фобии за счет защитных механизмов смещения, сублимации, вытеснения, рационализации и конверсии. Потому особый статус в исследованиях экзистенциальной тревоги представляет работа с онкобольными и психотическими больными. На анализе этого аспекта проблемы следует остановиться отдельно.

У онкобольных, помимо физической боли, являющейся следствием схем тяжелого лечения, и многих побочных эффектов, которые следуют за ним, рак обычно вызывает острейшую экзистенциальную тревогу и связанное с ней страдание [11]. Экзистенциальные страдания онкобольных отличны от

[1] Онтологическая незащищенность – понятие Р. Лэнга, характеризующее специфику психотического восприятия реальности

обычных неврозов тем, что наряду с фоновой экзистенциальной тревогой, которая заостряется в любых невротических расстройствах, эти расстройства являются расстройствами целостности человека, расстройствами нарратива о себе и своем жизненном пути. Они могут проявляться в виде переворота в убеждениях и целях, оставляя человека деморализованным относительно ценности продолжающейся жизни. Хотя это состояние чаще изучается в отношении неизлечимо больных пациентов, экзистенциальные страдания также проявляются у людей, уже переживших рак. Психосоциальная реабилитация, направленная на устранение экзистенциальных страданий, традиционно включает, среди прочего, разработку когнитивной стратегии для того, чтобы справиться с ситуацией, и технику осознанности. Однако проблемы, с которыми сталкивается онкобольной, подчас настолько ярко выражены, что лишь частично могут быть устранены за счет данных техник, так как все же они (проблемы) носят уже не столько психологический, сколько философский характер. Поэтому врачи-психиатры, ассоциирующие себя с феноменологическим подходом, столь настаивают на философской подготовке клинициста [15. С. 6].

Для философской же рефлексии может быть интересен опыт врачей на уровне индивидуума, соприкасающегося с экзистенциальными переживаниями. Среди многочисленных случаев психотерапевтической практики вышеупомянутого Ирвина Ялома особый интерес представляют его примеры работы с онкобольными. Так, один из его пациентов, двадцатипятилетний молодой человек, у которого была выявлена злокачественная лимфома, единственным шансом излечения имел новый протокол химиотерапии, однако молодой человек наотрез отказался сотрудничать с врачами. К этому возрасту пациент успел уже сделать хорошую карьеру и держать под контролем многие аспекты своей жизни. Ялом пишет о совершенно иррациональной реакции пациента на химиотерапию: он не мог спать ночью перед сеансом лечения, его охватывала паника, и он постоянно находил способы уклониться от лечения. Пациент не мог в точности сказать, чего он конкретно боится, и лишь отмечал, что это имеет отношение к неподвижности и беспомощности. Поэтому ему нестерпимо было ожидание, приготовление онкологом лекарства, вид вводимой в вену иглы, обматывание руки, вид капель, входящих в его тело. Данный эпизод демонстрирует смещение тревоги с самой смерти на процесс химиотерапии.

Если на уровне невроза экзистенциальная тревога кажется вполне очевидной и понятной, то на уровне психоза, т.е. тяжелого поражения личности с отсутствующей критикой в отношении происходящего, экзистенциально-феноменологический подход может восприниматься как что-то избыточное. Действительно, биологическая составляющая в таком психозе, как, например, шизофрения, многократно доказана, и большинство современных гипотез ее происхождения связаны с версией нарушения и разбалансировки нейротрансмиттерных систем головного мозга [16. С. 86]. Однако опыт таких психиатров как Бинсвангер, Лэнг, Сэлс, говорит о том, что психотический процесс может быть понят, а реабилитация должна в себя включать не только психофармакологическую терапию, которая по сути лишь купирует происходящие в личности изменения. В качестве субъективного опыта шизофрения – это капитуляция человека перед лицом экзистенциальной тревоги вследствие

незрелости Эго. Капитуляция шизофреника сопровождается, как правило, фоновым ужасом, ощущением разобщенности, разорванности реальности. Его поведение становится дискретным и непоследовательным.

Если невротичесекие защиты позволяют человеку сместить свой страх утраты целостности на что-то иное, то психотический больной совершает «побег» в психоз, так как не имеет сил справиться с этим страхом. Внутри психотической модели существования, которую избирает для себя шизофреник, он выстраивает новые связи между вещами и новый тип существования, который спасает его от экзистенциальной тревоги и утраты целостности. Убегая от распада физического, больной шизофренией окунается в распад личности, распад экзистенциальный. Он замыкается в своем мире, где, подобно младенцу, может ощущать свое всемогущество. Рональд Лэнг приводит пример своего психотического больного, характеризующего себя как «пробку, плавающую в океане». Этот человек был крайне озабочен тем, что так и не стал личностью, и винил во всех своих неудачах свою мать. Несмотря на сильнейшую неуверенность в себе, на практике его было не так просто напугать, как может показаться. «Своим внешним поведением он предвосхищал опасность, которой постоянно был подвержен, а именно стать чем-то бóльшим, чем пробка. (В конце концов, какая вещь в океане находится в большей безопасности?)» [8. С. 43]. Истощая свою связь с жизнью через этот способ защиты, т.е., рассматривая себя как нечто отчужденное, он уменьшал риск быть поглощенным, разделенным, разорванным реальностью, как бы говоря: «мне проще самому себя уничтожить, лишь бы не ждать, когда это сделает кто-то другой».

Таким образом, экзистенциально-феноменологическая традиция может представлять интерес как для биоэтики, так и для культурологии, раскрывая в теоретической и практической полноте переживание целостности и проживание утраты таковой. Однако проблема состоит в том, что, несмотря на декларацию данного принципа на всех возможных уровнях, в реальности происходит скорее обратный процесс. Научно-технический прогресс и рост значения доказательной медицины приводят к тому, что происходит смещение «диагностического приоритета с дескриптивно-феноменологического уровня к оценке выраженности тех или иных нарушений. Этот процесс, по сути, вытеснил устоявшийся в XX в. категориальный подход, заменив его дименсиональным» [16. С. 28]. Переход от категорий к дименсиям был продиктован, с одной стороны, требованием точности, присущей естественным наукам, с другой – дестигматизации психических больных. Однако повсеместное внедрение оценочных шкал, использование математических моделей, анкетных методов, экспресс-методов вытесняет, как отмечалось выше, собственно профессиональное клиническое мышление врача, а равно и ряд диагностических подтипов заболеваний. Так, например, произошло с простой шизофренией в современной DSM-5. Данная форма заболевания в такой ситуации фактически не может быть диагностирована, что приводит к утрате возможностей своевременной психиатрической помощи пациентам и некорректным диагнозам.

На основании вышесказанного можно утверждать, что научно-технический и социальный прогресс в жизни общества порождает новые экзистенциальные проблемы, новые условия культурного бытия, которым уже не со-

ответствует объектно-ориентированная научная рациональность. Биологический редукционизм, при всех достижениях в области естественных наук, биоинженерии, нейроисследованиях не может выступать ответом на антропологические запросы современности, так как не позволяет сформировать целостную картину человеческой реальности. Еще В. Франкл отмечал: «Редукционизм – это нигилизм наших дней. <…> Человек – не „что-то“, не вещь среди других вещей. Вещи детерминируют друг друга. Человек же определяет себя сам. Или, скорее, он решает, позволит ли он себе быть определяемым, будь то побуждениями и инстинктами, которые толкают его, или основаниями и смыслами, которые притягивают» [7. С. 84].

Смыслы, которые стоят за разрозненными данными наук, не могут быть соединены в целостную картину средствами самих естественных наук, так как в ней не остается места для человека как целостного смыслопорождающего субъекта. Технологические и гуманитарные изменения не просто расширяют возможности человека, но качественно преобразуют его психические функции, разрушая родовую сущность человека. Сегодня необходимы междисциплинарные исследования, проблематизирующие такие понятия, как целостность и самоидентичность на основе синтеза культурологии, биоэтики, философии, с одной стороны, медицины и естествознания – с другой.

Литература

1. *Лосский Н.О.* История русской философии. М. : Высшая школа, 1991. 559 с.

2. *Basic* ethical principles in european bioethics and biolaw / editors J.D. Reindtorff, P. Kemp. Barcelona : Institute Borja de Bioetica, 2000. Vol. I. Autonomy, dignity, integrity and vulnerability, 428 p.; Vol. II. Partners' research. 372 p.

3. *Sviland R., Martinsen K., Nicholls D.A.* Løgstrup's thinking: a contribution to ethics in physiotherapy // Physiotherap Theory and Practice An International Journal of Physical Therapy. DOI: 10.1080/09593985.2020.1741051

4. *Тищенко П.Д.* Био-власть в эпоху биотехнологий. М. : ИФРАН, 2001. 177 с.

5. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой, СПб. : A-cad, 1994. 407 с.

6. *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия / пер. с англ. Т.С. Драбкиной. М. : Независимая фирма «Класс», 2019. 576 с. (Библиотека психологии и психотерапии).

7. *Франкл В.* Человек в поисках смысла: сборник : пер. с англ. и нем. / общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева; вст. ст. Д.А. Леонтьева. М. : Прогресс, 1990. 368 с.

8. *Лэнг Р.Д.* Расколотое «Я». Феноменология переживания и Райская птичка. М. : ИОИ, 2016. 350 с.

9. *Власова О.* Анти-психиатрия. Социальная теория и социальная практика / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 432 с.

10. *Ясперс К.* Общая психопатология / пер. с нем. Л.О. Акопяна. М. : Практика, 1997. 1053 с.

11. *Knox J.B.L.* Developing a novel approach to existential suffering in cancer survivorship through Socratic dialogue. Psycho-Oncology. 2018. Vol. 1–3. DOI: 10.1002/pon.4750

12. *Van Bruggen V., ten Klooster P., Westerhof G., Vos J., de Kleine E., Bohlmeijer E., Glas G.* The ExistentialConcerns Questionnaire (ECQ) – Developmentand InitialValidationofa New Existential AnxietyScale ina Nonclinical and ClinicalSample // Journal of Clinical Psychology. Vol. 73, № 12. P. 1692–1703. DOI: 10.1002/jclp.22474

13. *Тиллих П.* Теология культуры. М. : Юрист, 1995. 479 с.

14. *Weems C.F., Costa N., Dehon Ch.* Paul Tillich's theory of existential anxiety : a preliminary conceptual and empirical examination // Anxiety Stress & Coping. Vol. 17, № 4. P. 383–399. DOI: 10.1080/10615800412331318616

15. *Клинические разборы* в психиатрической практике / под ред. А.Г. Гофмана. 4-е изд., доп. М. : МЕДпресс-информ, 2015. 720 с.

16. *Корнетова Е.Г., Семке А.В., Корнетов А.Н., Иванова С.А., Лобачёва О.А., Семенюк К.А., Бойко А.С., Бохан Н.А.* Шизофрения: биопсихосоциальная модель и конституционально-биологический подход. Томск : Интегральный переплет, 2018. 174 с.

Anton P. Semenyuk, Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: apsemenyuk76@gmail.com
Xenia A. Semenyuk, Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: marcelp@yandex.ru
Andrey D. Dolbnya, Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation).
Email: adolbnya1@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 58. pp. 67–74.
DOI: 10.17223/1998863X/58/7

THE PRINCIPLE OF INTEGRITY AS THE BASIS OF CULTURAL AND PERSONAL IDENTITY (A BIOETHICAL STATEMENT OF THE PROBLEM)

Keywords: integrity; cultural identity; personal identity; existential anxiety.

The article considers the concept of integrity as a bioethical and, at the same time, cultural concept. Integrity is taken here not as an ontological or methodological principle, but as a cultural value, as a person's prior belief that they are whole. The concept of integrity in Western societies is used to protect the personal identity not only of individuals, but also in relation to humanity as a species. Concurrently, modern culture, in addition to increasing humanization, is characterized by an anthropological crisis. Reality is significantly at variance with the system of principles and ideals officially declared by society. The article raises the problem of preserving integrity as an inherent characteristic of personal and cultural identity and the existential consequences associated with ignoring this problem. Modern Europeans meets all basic needs, while the level of existential anxiety is very high. Existential anxiety is directly related to the awareness of the finiteness of being and is experienced as a disintegration and loss of integrity. In this regard, it becomes clear that the twentieth-century philosophy is interested in psychiatry, and psychiatry is interested in philosophy, since the sick mind is a mode of existential disintegration of the mind itself. In this sense, the existential-phenomenological tradition can be of interest for both bioethics and cultural studies, bringing out the experience of integrity and loss of it in its theoretical and practical entirety. Using the example of oncological diseases and mental pathologies, the authors show that human psychophysiological health can be caused by factors of noogenic origin. It is concluded that today there is a need for interdisciplinary research that problematizes such concepts as integrity and self-identity based on the synthesis of cultural studies, bioethics, philosophy, on the one hand, and medicine and natural science, on the other.

References

1. Lossky, N.O. (1991) *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow: Vysshayashkola.

2. Reindtorff, J.D. & Kemp, P. (ed.) *Basic ethical principles in European bioethics and biolaw*. Barcelona: Institute Borja de Bioetica.

3. Sviland, R., Martinsen, K. & Nicholls, D.A. (2020) Løgstrup's thinking: a contribution to ethics in physiotherapy. *Physiotherapy: Theory and Practice.* DOI: 10.1080/09593985.2020.1741051

4. Tishchenko, P.D. (2001) *Bio-vlast' v epokhu biotekhnologiy* [Bio-authority in the age of biotechnology]. Moscow: IPHRAS.

5. Foucault, M. (1994) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and Things. Archeology of the Humanities]. Translated from French by V.P. Vizgin, N.S. Avtonomova. St. Petersburg: Acad.

6. Yalom, I. (2019) *Ekzistentsial'naya psikhoterapiya* [Existential Psychotherapy]. Translated from English by T.S. Drabkina. Moscow: Klass.

7. Frankl, V. (1990) *Chelovek v poiskakh smysla* [Man in search of meaning]. Translated from English and German. Moscow: Progress.

8. Leng, R.D. (2016) *Raskolotoe "Ya". Fenomenologiya perezhivaniya i Rayskaya ptichka* [The Divided Self. The Politics of Experience and the Bird of Paradise]. Translated from Engish. Moscow: IOI.

9. Vlasova, O.A. (2014) *Anti-psikhiatriya. Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya praktika* [Anti-Psychiatry. Social Theory and Social Practice]. Moscow: HSE.

10. Jaspers, K. (1997) *Obshchaya psikhopatologiya* [General Psychopathology]. Translated from German by L.O. Akopyan. Moscow: Praktika.

11. Knox, J.B.L. (2018) Developing a novel approach to existential suffering in cancer survivorship through Socratic dialogue. *Psycho-Oncology*. 1–3. DOI: 10.1002/pon.4750

12. van Bruggen V., ten Klooster P., Westerhof G., Vos J., de Kleine E., Bohlmeijer E., Glas G. (2017) The ExistentialConcerns Questionnaire (ECQ)–Development and Initial Validation of a New Existential Anxiety Scale in a Nonclinical and Clinical Sample. *Journal of Clinical Psychology*. 73(12). pp. 1692–1703. DOI: 10.1002/jclp.22474

13. Tillich, P. (1995) *Teologiya kul'tury* [Theology of Culture]. Translated from English. Moscow: Yurist.

14. Weems, C.F., Costa, N. & Dehon, Ch. (2004) Paul Tillich's theory of existential anxiety: a preliminary conceptual and empirical examination. *Anxiety Stress & Coping*. 17(4). pp. 383–399. DOI: 10.1080/10615800412331318616

15. Gofman, A.G. (ed.) (2015) *Klinicheskie razbory v psikhiatricheskoy praktike* [Clinical Analyses in Psychiatric Practice]. 4th ed. Moscow: MEDpress-inform.

16. Kornetova, E.G., Semke, A.V., Kornetov, A.N., Ivanova, S.A., Lobacheva, O.A., Semenyuk, K.A., Boyko, A.S. & Bokhan, N.A. (2018) *Shizofreniya: biopsikhosotsial'naya model' i konstitutsional'no-biologicheskiy podkhod* [Schizophrenia: A Biopsychosocial Model and a Constitutional-Biological Approach]. Tomsk: Integral'nyy pereplet.